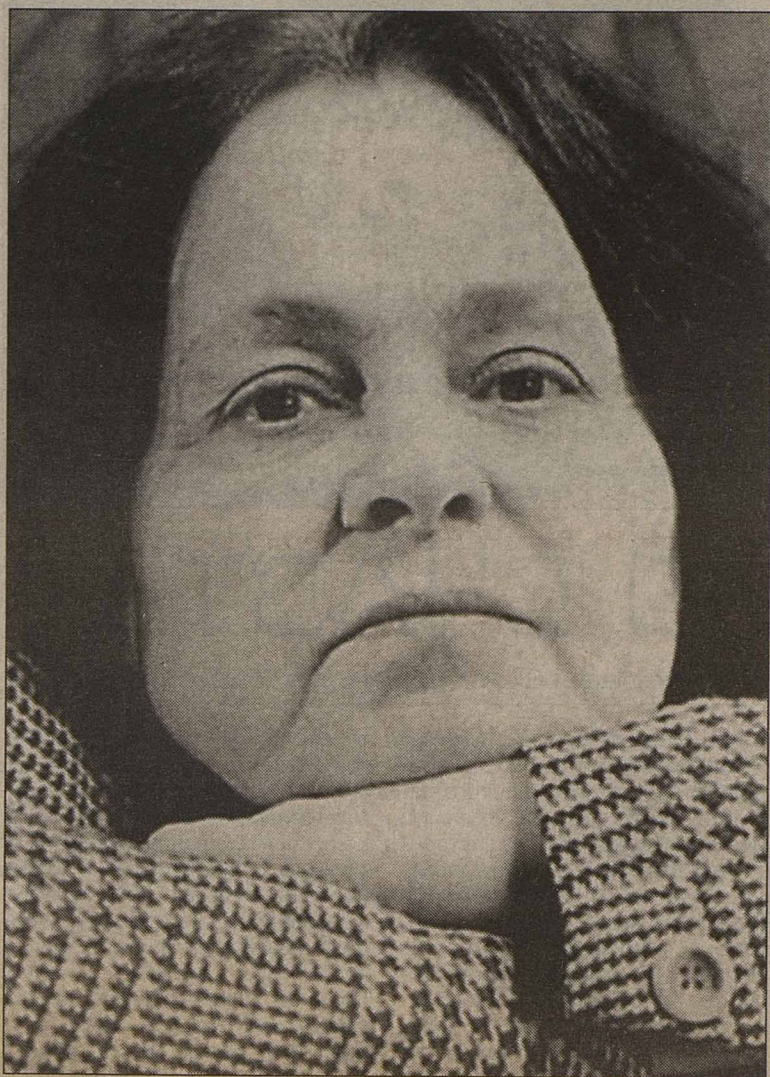

СТРАШНЫЙ ЗУД

Навстречу юбилею Кире Муратовой

Дмитрий БЫКОВ

Кира Муратова – вероятно, единственный на всем пространстве бывшего СССР режиссер действительно мирового уровня. Когда-то их было много, в диапазоне от Климова до Михалкова. Сегодня одни выродились, другие провалились в собственное безумие, мучаясь над одной картиной по десять лет, третьи не снимают, потому что не чувствуют наступившее время своим... А чувствовать и не надо. Достаточно иметь свою тему, тогда можно работать практически бесперебойно и во всякие времена. У Муратовой эта тема есть, и не тема даже, а интонация: безразличное умиление, безжалостное сострадание, восторг отвращения, как говорил Мандельштам о своем отношении к рыбьему жиру. Люди, животные и даже природа вызывают у Муратовой именно это синтетическое, сложное, очень эстетское отношение: так ужасно, что уже прекрасно.

Она любит снимать уродов и чудаков, поскольку именно они доводят человеческую природу до логического предела. Этот предел Муратову и интересуют. Смешное, жалкое, комическое, жестокое, трогательное, умиленное. Так жаль, что поубивал бы.

Из этого мироощущения выросло все хорошее в современном российском кино – Балабанов («Про уродов и людей»), Тодоровский-сын («Мой сводный брат Франкенштейн»), отчасти даже Мурзенко с его иронически-безразличным и все-таки восторженным отношением к братковской эстетике и лексике. Тут все дело в позиции художника – остротенной, дистанцированной; а как иначе будешь замечать все – за другими и за собой? Даже в первых эпизодических ролях Муратовой – а она фантастически органична в любой роли – была эта едкая, сверхточная наблюдательность. У нее чутье на мучительные, неловкие, трогательные и отвратительные ситуации: эпизод с двумя старушками, матерью и дочерью, которые друг другу кричат и друг друга не слышат, – был уже в первом ее сценарии, хотя сняла его Муратова только сорок лет спустя, вставив в «Три истории». Наверное, ее кино и в самом деле выглядит как минимум странно для сторонников гуманистической традиции, – и Муратова вообще не очень любит гуманизм, героиня первой части «Астенического синдрома» с ненавистью отвергает чужое сочувствие, видя в нем лицемерие, фарисейство, навязчивость... «У вас изо рта пахнет!». Думаю, эта героиня – потерявшая мужа и сходящая с ума в самом буквальном смысле, – точнейший автопортрет Муратовой: ее кино – фильмы человека, смертельно уязвленного жизнью. Болевой порог очень

низок. Все человеческие реакции давно кончились. Остались нечеловеческие: ненависть, хохот, свист, издевательство, гротеск, неверие в любовь-морковь и во всякое сострадание... Ничего святого: семья, любовь, православное богослужение – все вранье! На самом деле НИКОГДА НИКОГО НЕ ЛЮБИТ, это повторяется из картины в картину. В «Трех историях» старик – мощная роль Табакова, умудрившегося переиграть даже пятилетнюю девочку, чудо почти животной естественности, – говорит в телефонную трубку: стариков все ненавидят, они всем в тягость! Люди только притворяются, что готовы нас терпеть... Во «Второстепенных людях» – та же самая история. В «Чеховских мотивах» – единственный фильм Муратовой, который мне не нравится, ибо в нем

Я от души поздравляю этого великого режиссера, с редким упорством продолжающего познавать белый свет среди серых камней. Она нам еще много гадостей скажет. Помнится, выйдя с московской премьеры «Синдрома», я от радости схватил какой-то железный штырь и расколотил несколько валявшихся возле Киноцентра пустых бутылок. Искусство должно дарить освобождение, я так считаю. Пусть Муратова и дальше раскрепощает в нас самые тайные страсти и подозрения, вскрывает гноиники и вычищает подсознание. А мы за это заплатим самому нежному и ядовитому из экс-советских режиссеров самой искренней нежностью, смешанной с самым отборным ядом.

беззащитно эксплуатируются фирменные авторские приемы, а нового качества так и не возникает, – тоже: тут и мать врет, и отец, и жених, и невеста, и поп, и дьякон... Все люди только и делают, что врут. Никто не будет счастлив. Мир Муратовой – это жаркая пустынная улица в южном городе, по ней тащится раздавленный горем человек, у которого только что отняли все, ради чего стоило жить. И мир жалеет его не больше, чем эта улица.

ОТКУДА ТОГДА КАТАРСИС, спросите вы? От режиссерского мастерства? От красоты каждого кадра? Не вижу я там особенной красоты, и не верю в то, что режиссерское мастерство само по себе способно вызвать катарсис. Тут дело в том, что как бы Муратова ни проклинала всех и вся, как бы ни бесили ее люди, львы, орлы и куропатки, – зритель все равно чувствует, что речь идет

именно об оскорбленной душе, поруганной человечности, о человеке, которого, грубо говоря, обварили кипятком. И он орет, но это живой крик и живая боль. Муратова так же оскорблена миром – и человечеством, и свалками, и непрерывно лгушей церковью, и искусством, которое никого не спасло, и смертью, которая неизбежна, – как Петрушевская, один из любимых ее писателей. Петрушевская тоже часто выслушивает упреки в жестокости, и в ее случае они более основательны, поскольку невооруженным глазом видно некоторое сладострастие, с которым она мстит человечеству вообще и читателю в частности. Но и Муратова, и Петрушевская – вовсе не противницы гуманизма, не отрицательницы его: просто их литература и кинематограф – то, что начинается ПОСЛЕ гуманизма. Так может писать и снимать человек, которому еще в школе стало невыносимо на все это смотреть, – стоит ли удивляться, что к сорока-пятидесяти-шестидесяти годам он окончательно перестал сдерживать себя?

ЛУЧШЕЙ КАРТИНОЙ МУРАТОВОЙ я считаю «Астенический синдром» – а может, меня просто

пленила еще в девяностом его абсолютная свобода, то состояние, когда в ярости, бешенстве, насмешливой и безвыходной тоске можешь себе позволить все, что угодно. Я вообще люблю, когда Муратова все себе позволяет. В ней есть эта радость: а сейчас я вам назло покажу еще и это, и вот это! Кстати, в ее кинематографе я вовсе не вижу той мстительности, которая так отчетлива в каждой строчке Петрушевской. У Муратовой – южанки, румынки, одесситки, – все это как-то веселей, азартней. Она издевается весело, хоть это и веселье висельника. Срывание всех и всяческих масок, выговаривание того, что не только вслух говорить бояться, а думать себе запрещают; сентиментальность, которой автор отчасти

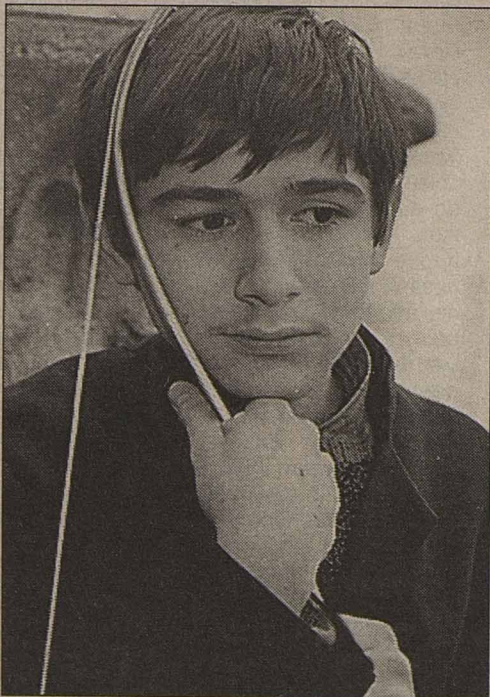
стесняется, но которую все равно никуда не денешь; кино Муратовой – укус на свежую рану, гримаса отвращения, переходящего в блаженство. Расчесанная ко-

роста, которую и расчесывают всегда с гримасой боли и наслаждения; а что поделаешь – зудит! Вот и весь мир вызывает у Муратовой такой зуд; а в общем, это и есть самая нормальная реакция на него. У хорошего человека другой не бывает.

Муратова снимает очень много. И очень стабильно. Случается у нее и однообразие, и пробуксовки, и примерно в каждой второй картине многовато длиннот («Чувствительный милиционер», «Увлеченный»)... В этом тоже есть вызов: вот, вы у меня всю жизнь вырезали то, что вам казалось лишним, а теперь я назло! назло! буду по двадцать минут показывать капустное поле или скачущих лошадей! Муратова не церемонится со зрителем. Свое представление о нем она точно выразила в «Астеническом синдроме»: там с фильма выходит типичный пролетарий, тупой, самодовольный – и ругается последними словами, – а жена смотрит на него влюбленно и повторяет: «Коля! Как я тебя люблю! Как я люблю ТВОЙ ЗАПАХ! Коля! Ты похож на ангела!». Сказать, что она ненавидит этого ангела, – нельзя. В том же «Синдроме» один герой со злости швыряет урну в окно – а в окне полуподвальная комната, в которой несчастная нищая семья, глядящая на него с ужасом и недоумением – и ни в чем, конечно, не виноватая. Побывав бы, как говорят в ее любимой и ненавидимой Одессе.

Покажите мне человека, который никогда так себя не чувствовал. Или, точнее, приличного человека, который бы чувствовал себя иначе.

ТАК ПОЛУЧАЛОСЬ, что все фильмы Муратовой я смотрел с девушками, и как правило – с самыми любимыми. С обычными, нелюбимыми или случайными, такое кино не смотрят. Ее фильмы сблизят чрезвычайно – потому что на свет вытаскивается то, о чем не говорят; ее зритель – всегда немного соучастник. Надо будет взять любимую и пойти смотреть «Настройщика». Тоже, говорят, типичная Муратова – столько умиления, что аж зубами скрипеть хочется. ■

Кадр из фильма «Долгие провода».

Кадр из фильма «Настройщик».

Муратова Кира
26.10.2004